

С.М. Малкина

**ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ ДЕКОНСТРУКЦИИ**

«Научная книга» 2004

УДК 165
ББК 87

Рецензенты:

доктор философских наук *Б.И. Мокш*,
кандидат философских наук *В.Г. Косыхин*

Малкина С.М.

Интерпретативные стратегии деконструкции. – Саратов: «Научная книга», 2004. 36 с.

ISBN 5-93888-409-8

В современной ситуации бесконечного умножения текстов, пожалуй, одной из актуальнейших проблем остается проблема понимания. Но философская герменевтика – это не только изобретение еще одной техники понимания. Философская герменевтика начинается с подлинно универсалистской претензии – сама философия должна стать герменевтикой. В данной работе рассматривается философская герменевтика главного теоретика деконструкции Жака Деррида, в которой выявляются отдельные интерпретативные стратегии и их соотношение между собой.

Для научных работников, студентов и аспирантов, всех интересующихся проблемами современной философии.

УДК 165
ББК 87

Работа издана в авторской редакции

ISBN 5-93888-409-8

© С.М. Малкина, 2004.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИМ МЕТОДОМ

Для ответа на вопрос о том, является ли деконструкция методом, необходимо вообще определить, что же такое деконструкция. И здесь исследователь деконструкции встречается с неожиданным затруднением: деконструкция утверждает о неприменимости в ее рамках обычных процедур и методов философского анализа как метафизически ограниченных и одномерных. Понять, что такое деконструкция, с точки зрения самой деконструкции, можно лишь проделав работу деконструкции. Такая работа, в свою очередь, предполагает, что все предикаты, все определяющие понятия, все лексические значения, принятые в традиционных для философии интерпретативных стратегиях, также должны быть деконструированы или деконструируемы по причине своей изначальной метафизичности (ограниченности, линейности).

Это наводит на мысль о том, что само понятие «деконструкция», как и любое понятие в деконструкции, является *противопонятием*, призванным опровергнуть исторически сложившиеся формы и методы философского мышления и открыть новую, «неметафизическую» стратегию философской герменевтики. Слово «деконструкция» двойственно: оно одновременно отсылает и к разрушению («деструкции») прежней философской традиции, и к ее восстановлению («конструкции») уже в совершенно новом, обогащенном новым смыслом качестве. То есть, уже сам термин «деконструкция» содержит в себе своеобразную теорию интерпретации философских текстов: для понимания философского текста его необходимо «деконструировать», т.е. аналитически разобрать («де-») и собрать («-кон-») в уже наше собственное понимание.

Из этого должно следовать, что деконструкция является методом интерпретации философских текстов. Но, по мнению Деррида, как раз *методам* она и не является. Хотя деконструкция преимущественным образом имеет дело с *текстами*, она не является ни *методом* чтения, ни *анализом*, ни *критикой*. «Деконструкция не есть ни *анализ*, ни *критика*... Это не анализ в особенности потому, что демонтаж какой-то структуры не является регрессией к *простому элементу*, некоему *неразложимому источнику*. Эти ценности, равно как и анализ, сами суть некие философемы, подлежащие деконструкции. Это также и не критика, в общепринятом или же кантовском смысле. Инстанция *Krîneîn* или *Krîsis*'а (решения, выбора, суждения, распознавания) сама есть, как, впрочем, и

весь аппарат трансцендентальной критики, одна из существенных «тем» или «объектов» деконструкции»¹.

Таким образом, если деконструкция будет пониматься как метод, анализ или критика, она неизбежно соскользнет в метафизику, против чего она как раз и нацелена. Поэтому Деррида заявляет, что «деконструкция не является каким-то методом и не может быть трансформирована в метод. Особенно тогда, когда в этом слове подчеркивается процедурное или техническое значение»². Такое отношение к методу лежит в русле хайдеггерианского отношения к научному методу, ведь и Хайдеггер также считал, что «научный метод никогда не есть техника. Как только он становится таковым, так сразу же отпадает от своей собственной сути»³.

Но зададимся вопросом, почему все-таки деконструкция не является *методом*, методом чтения и интерпретации текста?

Во-первых, каждое «событие» деконструкции является единичным, уникальным, поэтому в деконструкции нельзя вывести методологическую инструментальность, пригодную для всех случаев, набор транспонируемых правил и процедур. Как пишет о Деррида и его методе английский исследователь Кристофер Батлер, «необходимо сказать с самого начала, что те относительно философские традиции, которые я и другие обычно приписывают ему в своем изложении, на самом деле чужды его собственному методу, по сути своей весьма неуловимому и находящемуся в постоянном движении»⁴.

Во-вторых, деконструкция не есть некий технический *акт* или *операция*. Акт, действие – это понятие метафизики, где есть разделение на субъект (действующее начало) и объект (пассивное начало). Деконструкция же стремится выйти за рамки метафизики, в ней нет между читателем и текстом субъект-объектных отношений. Взаимоотношения текста и читателя намного сложнее, и правильнее было бы сказать, что деконструкция направлена не на акт, а на событие рождения смысла, при этом сама деконструкция понимает себя в качестве соучастника такого события.

В-третьих, любая «техничность» и методичность указывает на вписанность или вписываемость метода в какую-либо систему институциональных отношений, которые, в свою очередь, представляют собой центрированную иерархию, против которой и восстала деконструкция: «То, что несколько поспешно было названо деконструкцией, не является, если это имеет какое-либо значение, специфическим рядом дискурсивных процедур, – отмечает Деррида, – еще в меньшей степени оно является правилом нового герменевтическо-

¹ Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии, 1992, № 4. С. 55.

² Там же.

³ Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. С. 26.

⁴ Butler Chr. Interpretation, deconstruction and ideology. Oxford, 1986. P. 60.

го метода, который «работает» с текстами или высказываниями под прикрытием какого-либо данного и стабильного института. Это менее всего способ занять какую-либо позицию во время аналитической процедуры относительно тех политических и институциональных структур, которые делают возможными и направляют наши практики, нашу компетенцию, нашу способность их реализовать»⁵.

Заметим, однако, что эта принципиальная антиметодичность, вытекающая из антиметафизичности, является характерной чертой не только *деконструктивистской* герменевтики. Все своеобразие *философской* герменевтики вообще заключается в том, что с ней связано не просто появление очередной, пусть и более эвристичной, стратегии чтения и интерпретации текста, но радикальное изменение самой классической концепции субъективности⁶. Концепция философской герменевтики основана на принципиально ином понимании герменевтики и ее природы. Так, хайдеггеровский анализ Dasein как бытия-в-мире изменяет философский взгляд на понимание, превращая его из производной структуры в центральную характеристику человеческого опыта. Как замечает в этой связи Г.-Г. Гадамер: «...С того момента, когда понимание становится центральной темой для философии, герменевтика не может более восприниматься лишь как техника интерпретации или стратегия чтения. Философская герменевтика начинает с подлинно универсалистской претензии – сама философия должна стать герменевтикой»⁷.

И все-таки, несмотря условность понятий техники и метода, деконструкция является работой по интерпретации текстов. Сам Деррида пишет: «В деконструкторской работе я должен был, как я делаю это и здесь, множить разного рода предостережения, в конце концов – отодвигать в сторону все традиционные философские понятия, чтобы в то же время вновь утверждать необходимость прибегать к ним, по крайней мере, после того как они были перечеркнуты»⁸. Поэтому и в данной работе мы все же будем использовать понятия метода, анализа, критики и др., учитывая, что они должны использоваться в перечеркнутом виде, тем более что в деконструкции вообще все понятия являются *противопонятиями*, т.е. перечеркнутыми терминами, в которых слово сохраняет свою многозначность и представляет собой игру этих значений.

⁵ Derrida J. Psyché: Invention de l'autre. P., 1987. P. 74.

⁶ Ставцев С.Н. Онтологизация субъективности и философская герменевтика: М. Хайдеггер и Г.-Г. Гадамер // Рабочие тетради по компаративистике. Гуманитарные науки, философия и компаративистика. СПб. Сайт Web-кафедры философской антропологии, 2003. С. 60.

⁷ См.: там же.

⁸ Деррида Ж. Письмо японскому другу. С. 55.

Кроме того, еще одним «деконструктивистским» выходом из данной ситуации является понятие *стратегии*, поэтому оно станет основным инструментом нашего анализа.

Если Деррида постоянно подчеркивает необходимость каждый раз пересматривать деконструкцию как метод, не позволяя ей впасть в метафизику, то все же необходимо придерживаться при этом одной генеральной стратегии: «Если не разработать генеральную стратегию, теоретическую и систематическую, философской деконструкции, то текстовые вторжения всегда рискуют по ходу дела снова впасть в избыточность или в эмпиристскую эссеистичность и, часто в то же самое время, в метафизическую классичность; этого я хотел избежать»⁹. Деррида говорит о необходимости в связи с этим выработки «особого *стратегического* решения, которое внутри метафизического поля и его собственных сил, обращая против него самого его собственные *стратегемы*, произвело бы распространяющуюся через всю систему, расщепляющую ее и повсеместно *отграничивающую силу смещения*»¹⁰.

С другой стороны, Деррида уточняет значение «стратегического», добавляя к нему характеристику «полное случайностей». Он пишет, что все должно быть «стратегическим – потому что никакая трансцендентальная, находящаяся вне поля письма истина не может теологически возвышаться над тотальностью поля. Полным случайностей – потому что это стратегическое не есть нечто простое, в том смысле, в каком говорят, что стратегия ориентирует тактику исходя из намеченной конечной цели, *telos'а*»¹¹. Наиболее точным в этом плане Деррида считает понятие *игры*: «Оно указывает на единство случайности и необходимости в расчете без цели»¹². Как отмечает В. Штегмайер, такая стратегия без целесообразности является противоречием в себе, парадоксом: «Деррида понимает под этим стратегию мышления, которая имеет только одну цель: сделать видимой стратегию для открытия стратегий, которые, делая видимым одно, делают невидимым другое... Таким образом, стратегия без целесообразности есть парадоксальная стратегия деконструкции, она является стратегией и не-стратегией, или стратегией настолько далекой, что она открывает другие стратегии. Кроме как таким способом, она не может и не должна ручаться, по Деррида, за то, «куда приведет»»¹³.

Сам термин «стратегия» у Деррида противопоставляется понятию «метода», поскольку мыслится не как некий набор определенных операций, а как, скорее, единство задач, средства решений которых каждый раз должны искаяться заново, исходя из конкретных условий. Поскольку и сама задача декон-

⁹ Деррида Ж. Позиции. К.: «Д.Л.», 1996. С. 124-125.

¹⁰ Он же.. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. С. 32.

¹¹ Он же. Различение // Деррида Ж. Голос и феномен. СПб.: «Алетейя», 1999. С. 174.

¹² Там же. С. 175.

¹³ Штегмайер В. Жак Деррида: деконструкция европейского мышления. Баланс // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. С. 68-91.

структивистской герменевтики – выявление элементов метафизики – избегает «позитивных» формулировок, то это позволяет полностью избежать понятие «стратегии» от метафизического груза концепта «метода»: «Мы еще называем *стратегической* операцией, которая отказывается в конечном счете подчиниться телео-эсхатологическому горизонту»¹⁴.

Кроме того, в рамках проекта переосмысления бинарных оппозиций традиционной метафизики (как то: внутреннее / внешнее, содержание / форма и т.д.), закономерен отказ от понятия «метода», который традиционно мыслится как нечто внешнее по отношению к анализируемому материалу. Напротив, философия «стратегии» не подчиняется данной оппозиции. Стратегия – это комплекс операций, которые зависят от материала, тесно взаимодействуют с ним: «*Стратегия* склонна отсылать скорее к *игре* стратегемы, чем к иерархической организации средств и целей»¹⁵.

Именно понятие стратегии, стратегемы может осуществить задачу Деррида – критику логоцентризма. Дело в том, что критика логоцентризма, логоса как разума а priori должна вестись уже на территории разума, т.е. логическими средствами, поэтому изначально невозможна. Единственный способ – изобрести хитрость, *обходной маневр*, или стратегию. Деррида делает выбор в пользу *двойной игры*. Двойная игра – это и в смысле «двойного агента», служащего обеим сторонам, когда одновременно покоряешься господству разума, но и в то же время строишь ему ловушку. С другой стороны, для Деррида двойная игра – это еще и *двойной жест*, когда один и тот же жест производит два противоположных действия, что само уже подрывает господство логоцентризма, основанного на логике. Как отмечает В. Декомб, «стратегия *деконструкции* – это хитрость, позволяющая говорить как раз в тот самый момент, когда «в конце концов» нечего сказать, поскольку абсолютный дискурс совершен»¹⁶.

Именно понятие стратегии может реализовать стремление деконструкции, деконструктивистской герменевтики избежать застывших, «присвоенных», наличествующих истин. Деконструкция – это разбор, творческий процесс, руководимый стратегией, того, что от разбора ускользает; это не интерпретация или трактовка текста. Деконструкция производит вскрытие конструкции, порождающей текст, обеспечивающей ее функционирование. Это необобщенное и не ставшее становление. Вот почему тексты деконструкции не поддаются сокращению, их трудно истолковывать и некорректно суммировать. Здесь нет твердых утверждений или отрицаний, а всегда иной путь. Понятие стратегии поэтому представляет собой *обходной маневр* (в своем

¹⁴ Деррида Ж. Позиции. С. 129.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Декомб В. Современная французская философия. М.: «Весь мир», 2000. С. 133-134.

роде аналог Holzweg Хайдеггера), единственно с помощью которого можно прийти, не заблудившись, к цели.

Вообще деконструктивистскую герменевтику можно мыслить только как философскую стратегию. Поэтому, как отмечает исследователь деконструкции Дж. Каллер, мы должны иметь дело «с деконструкцией как стратегией в философии и стратегией обращения с философией, поскольку деконструктивистская практика стремится быть одновременно строгим доказательством в философии и вытеснением философских категорий или философских претензий на господство»¹⁷.

¹⁷ *Culler J.* On deconstruction: Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1982. P. 85.

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ДЕКОНСТРУКЦИИ

В своей работе «О деконструкции: теория и критика постструктурализма» Дж. Каллер следующим образом формулирует общую цель всех герменевтических стратегий деконструкции: «Деконструировать дискурс – значит показать, как он разрушает утверждаемую им философию или те иерархические оппозиции, на которые он опирается, отыскав и идентифицировав в рассматриваемом тексте те риторические операции, которые обеспечивают предполагаемое основание аргумента – ключевое понятие или посылку»¹. Деконструкция не ставит своей целью *доказать* или *опровергнуть*, *установить* или *подтвердить истину*. Напротив, все эти понятия в деконструкции находятся под знаком вычеркивания как часть метафизики логоцентризма.

В рамках деконструктивистской герменевтики можно выделить следующие интерпретативные стратегии:

1. *стратегия демонтажа бинарных оппозиций*, что одновременно является демонтажем традиции логоцентризма;
2. *терминологическая стратегия*, деконструирующая терминологический аппарат метафизики;
3. *стратегия подхода к смыслу как дару*;
4. *стратегия маргинализации*;
5. *стратегия графематических прививок*.

Рассмотрим последовательно данные стратегии.

1. Стратегия демонтажа бинарных оппозиций

Деррида рассматривает структуру философской теории как игру отношений, оппозиций и дифференциаций. Поэтому при интерпретации теории прежде всего важную роль играет рассмотрение оппозиций, функционирующих в ней. Эта стратегия, соответственно, представляет собой экспликацию бинарных оппозиций, традиционных для метафизической традиции Запада, например: *речь / письмо, мужское / женское, истина / ложь, буквальное / метафорическое, означаемое / означающее*, и их преодоление. В таких оппозициях в метафизике первому (левому) термину сообщается статус превосходства над

¹ Culler J. On deconstruction... P. 86.

вторым (правым) термином, который рассматривается «как осложнение, отрицание, проявление или крах первого»². С точки зрения Деррида такие иерархические оппозиции составляют суть логоцентризма, который он подвергает критике. Деконструкция стремится подорвать оппозиции, уравнивая их в правах и рассматривая их как эффект фундаментального различия. Дж. Р. Серль в своей статье «Перевернутое слово» отмечает, что для этого деконструкция прежде всего пытается показать, что второй (правый) термин «на самом деле первичен, а левый – всего лишь частный случай правого; правый термин – условие возможности левого»³. Деррида также отмечает важность этого шага: «Деконструировать оппозицию значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию. Пренебречь этой фазой переворачивания значит упустить из виду конфликтную и субординирующую структуру оппозиции»⁴. Речь не идет здесь о хронологической фазе: «Необходимость этой фазы – структурная, а стало быть, это необходимость непрекращающегося анализа: иерархичность бинарной оппозиции постоянно воспроизводит себя»⁵.

Но это только начальный этап. Целью является не менять оппозиции местами. Главной целью является разрушить какую-либо центрацию вообще, отменить оппозиции. Для этого показывается, что существующие метафизические оппозиции фундированы общим, но уже не метафизическим, а деконструированным понятием: например, таким, как *архи-письмо*.

Дж. Каллер так схематично раскладывает элементы данной стратегической операции⁶:

(А) демонстрируется, что оппозиция представляет собой метафизический и идеологический обман через

(1) выявление ее предпосылок и ее роли в системе метафизических значений – задача, которая может потребовать расширенного анализа определенного числа текстов и

(2) показ, как она разрушается в текстах, которые ее формулируют и полагаются на нее;

(В) одновременно оппозиция поддерживается через

(1) использование ее в аргументации (характеристики речи и письма или литературы и философии – это не ошибки, которые должны быть отвергнуты, но сущностный источник аргумента) и (2) восстановление ее при полном изменении, которое придает ей иной статус и импульс.

Разрушение бинарной оппозиции «внешнее / внутреннее» приводит к нарушению оппозиции «текст / комментарий», «текст / интерпретация», что будет рассмотрено чуть ниже.

² Culler J. On deconstruction. P. 93.

³ Серль Дж.Р. Перевернутое слово // Вопросы философии, 1992, № 4. С. 59.

⁴ Деррида Ж. Позиции. С. 73.

⁵ Там же.

⁶ См.: Culler J. On deconstruction... P. 150.

2. Терминологическая стратегия

В рамках терминологической стратегии в свою очередь можно выделить несколько стратегем:

- деконструктивистский разбор метафизических понятий;
- лингвистико-компаративистский анализ терминов;
- анализ избегания отдельных терминов тем или иным философом;
- стратегия негативной дистинкции;
- антиметафизическая стратегия самостирания (вычеркивания) термина;
- стратегия выявления ключевых понятий.

Рассмотрим последовательно все эти подстратегии.

- *Деконструктивистский разбор метафизических понятий*

В своей программной работе «Письмо к японскому другу» Деррида отмечает, что «...вопрос деконструкции от начала до конца есть также Вопрос перевода и языка понятий, понятийного корпуса так называемой «западной» метафизики»⁷. И действительно, проблема деструкции метафизики в рамках проекта деконструкции во многом сводится к критике языка метафизики.

Однако на деле осуществить критику языка не просто: ведь критикуя, мы не можем выйти за пределы этого языка. То есть, по сути, мы находимся в своеобразном *критико-герменевтическом круге*: критикуя метафизические термины, философы сами обречены ими пользоваться для критики и тем самым снова и снова воспроизводить всю метафизику: «Поскольку... эти понятия не являются простыми элементами или атомами, а включаются в определенную синтаксическую связь и в определенную систему, то любое частное заимствование ведет за собой всю метафизику»⁸.

Критерием качества и продуктивности того или иного дискурса, считает Деррида, является «та критическая строгость, с которой продумывается его отношение к истории метафизики и к унаследованным понятиям»⁹. Под продумыванием отношения дискурса к унаследованным понятиям Деррида понимает «открытую и систематическую постановку вопроса, касающегося статуса дискурса, заимствующего в доставшемся ему наследстве ресурсы, необходимые для деконструкции самого этого наследства»¹⁰.

Ницше и Хайдеггер, критикуя понятия метафизики, стремились от них отказаться и снабжали философский аппарат неологизмами. Логика введения новых понятий состояла в том, чтобы отказаться от устоявшихся смыслов и спровоцировать переосмысление старых терминов. Ж. Деррида радикализирует данную стратегию и приходит к выводу, что если суть заключается в

⁷ Деррида Ж. Письмо японскому другу... С. 53.

⁸ Он же. Письмо и различие. С. 450.

⁹ Там же. С. 451.

¹⁰ Там же.

том, чтобы избежать ставшего смысла, то для этого необязательно придумывать новые термины: в конечном счете они также могут «остепениться» и приобрести застывшее метафизическое значение. К тому же, как было показано выше, мы не можем, критикуя язык метафизики, полностью исключить метафизику из философского дискурса. Поэтому Деррида выдвигает следующий тезис: «...Чтобы поколебать метафизику, *нет никакого смысла* обходиться без понятий метафизики; мы не располагаем таким языком (таким синтаксисом и лексикой), который был бы чужим для этой истории; мы не можем высказать такого деструктивного положения, которое уже не скатывалось бы в форму, в логику и скрытые установки того самого явления, которое оно стремится опровергнуть»¹¹.

В своей работе «Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук» Деррида выделяет два пути, которыми можно осуществлять критику метафизических понятий¹²:

а. заняться систематическим и строгим допросом истории этих понятий. Очевидно, данная стратегия во многом схожа с аналогичной герменевтической стратегией М. Хайдеггера. Деррида отмечает, что такой тип анализа не сводится ни к филологическому, ни к философскому, поэтому намечает вместе с выходом за пределы метафизики первый шаг к выходу *за пределы* собственно философии. Именно «на полях философии» можно осуществить критический разбор метафизики (подробнее *маргинальную стратегию* мы рассмотрим чуть ниже).

б. оставаясь в рамках эмпирического исследования, сохранить, *повсеместно указывая на ограниченность*, все прежние понятия в качестве инструментов, которые еще могут пригодиться. Особенностью данного метода является то, что это позволяет не отказываться от метафизических понятий, однако, имея каждый в виду, что они находятся *под знаком вычеркивания*, то есть не обладают каким бы то ни было абсолютным значением: «Отныне этим инструментам более не придается какого бы то ни было достоинства истины, какого бы то ни было строгого значения; при случае их можно будет и бросить, если другие инструменты вдруг покажутся более удобными»¹³. Именно с помощью таких относительно эффективных инструментов, которые не становятся новым абсолютом, только и можно разрушать систему метафизики. Этот примененный в сфере философии *инструментализм* формирует антиметафизическую методологию, где полагается возможным «отдалить *метод* от *истины*, отдалить инструментарий от метода, и от тех объективных значений, на раскрытие которых этот метод направлен»¹⁴. Действительно, этот метод состоит в том,

¹¹ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 448.

¹² Там же. С. 453.

¹³ Там же. С. 453-454.

¹⁴ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 454.

чтобы не абсолютизировать ни один метод, чтобы не сводиться к одному инструментарию. Кроме этого, данный метод говорит об антиметафизическом поле деятельности, где действует *свободная игра значений*, поэтому нельзя также сказать, что этот метод привязан к тем или иным центрирующим означаемым.

Следовательно, не верно говорить о каких-либо концептах, метафизичных по своей природе, в отличие от «деконструктивистских понятий». Характерным отличием является работа, которая проводится тем или иным философом с термином и место этого термина во всей философской системе: «Я никогда не верил, – пишет Деррида, – в существование *метафизических* концептов *самих по себе*. Да и никакой, впрочем, концепт не есть он сам и, следовательно, не является в себе метафизическим вне всей той текстуальной проработки, в которую он вписан»¹⁵.

В рамках работы с «метафизическими понятиями» Деррида пишет о необходимости «выработать стратегию текстовой проработки, которая в каждый данный момент заимствовала бы старое слово у философии, чтобы тут же снять с него ее штамп»¹⁶. Эта стратегия, по мнению Деррида, состоит в «двойном жесте» или в двойной стратификации: «Нужно, с одной стороны, *отфрив* традиционный концепт истории и в то же время маркировать *отфрив*, проследить затем, чтобы он не смог уже быть – на почве этого опрокидывания и просто через самый факт концептуализации – *переприсвоен*. Необходимо произвести новую концептуализацию, разумеется, однако хорошо отдавая себе отчет в том, что сама по себе эта концептуализация как таковая способна снова принести с собой то, что нам хотелось «критиковать»»¹⁷. Таким образом, необходимо заниматься разбором метафизического концепта, следя за тем, чтобы он избегал метафизичности и результат не смог бы служить в свою очередь центром новой системы: «Метафизичность соответственно не какой-то привходящий предикат, от которого можно избавиться путем локальной ампутации особого рода, без общего смещения всего организованного целого, без вспашки, проработки всей системы»¹⁸.

В целом процедуру обращения с такими «метафизическими» понятиями Деррида описывает следующим образом: «В чем, я говорю, «стратегическая» необходимость, велящая иногда сохранить *старое имя*, чтобы пустить в ход новый концепт? Со всеми оговорками, диктуемыми этим классическим разграничением имени и концепта, можно было бы начать описание этой операции. После учета того факта, что именем именуется не точечная простота концепта, но концептуальная структура, *центрированная* вокруг того или иного

¹⁵ Деррида Ж. Позиции. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 102-103.

предиката, мы переходим: 1) к выделению определенной предикативной черты, которая редуцирована, задвинута в резерв, ограничена внутри некой концептуальной структуры (ограничена по мотивам и ввиду соотношений, обязательно требующих анализа) *именуемой* X; 2) к разграничению, к прививке и к упорядоченному расширению этого отобранного предиката, причем имя X сохраняется на правах *рычага воздействия* и для сохранения контроля над прежней организацией, которую предстоит действительно трансформировать. Итак, отбор, прививка, расширение»¹⁹. Как видим, здесь требуется целый набор интерпретативных стратегий, которые мы рассмотрим ниже.

- *Лингвистико-компаративистский анализ*

Данная стратегия состоит в том, что термины должны исследоваться на языке исследуемого философа, чтобы иметь возможность высветить всю структуру семантического поля концепта. Однако, как известно, большая часть философских терминов этимологически восходит к классическим языкам древности, а после этого одни и те же термины использовались в средние века и Новое время у каждого философа не только со своими коннотациями, но и с унаследованным грузом значений. Поэтому существует необходимость кроме деконструктивистского разбора унаследованных значений сталкивать слово с его аналогами в соседних языках, чтобы его значения выявили себя.

Мы уже отмечали, что постструктуралистская концепция текста исходит из принципиальной множественности смыслов. Это относится и к смыслам в отдельном концепте. Как отмечает Деррида, в слове совершается определенный переход, «на который натапливаются и в котором состязаются всевозможные значения. Состязаются, но и окликают друг друга, вызывают друг друга, невидимо и как бы помимо меня самого, в некоей сверхсозможности значений, в чистой силе двусмысленности»²⁰.

Поэтому для деконструкции является важной именно игра значений в терминах, для чего сталкиваются термины в их различных языковых вариантах с целью создания «семантических миражей» (термин Ж. Деррида) – того единственного поля истинствования, которое доступно. Для этого проводится анализ не только терминологических аналогов в различных языках, но и терминологических семантических рядов в одном и том же языке. Очевидно, что эта стратегия является дериватом хайдеггеровской герменевтико-феноменологической установки. «Здесь или там, – пишет Деррида, – я использовал слово *деконструкция*, которое ничего общего не имеет с разрушением. То есть, это просто вопрос того, чтобы (и это является необходимостью

¹⁹ Деррида Ж. Позиции. С. 129-130.

²⁰ Он же. Письмо и различие. С. 17.

критики в классическом смысле слова) быть бдительным к подтексту, к историческому осадку языка, которым мы пользуемся – и это не разрушение»²¹.

Есть еще одна причина, по которой необходим лингво-компаративистский анализ. Дело в том, что «в момент постановки предельного вопроса, т.е. когда мы вопрошаем (*Anfragen*) о возможности любого вопроса, т.е. языка, мы должны *уже* находиться среди элементов языка. Язык должен уже говорить нам – на нем должны, так сказать, уже говорить, и он должен быть уже адресован нам (*muss uns doch die Sprache selber schon zugesprochen sein*). *Anfrage* и *Nachfrage* предполагают это упреждение, этот предваряющую [*prévenante*] адресацию (*Zuspruch*) языка. Язык *уже* там, в упреждении (*im voraus*) того, как сможет быть задан какой-либо вопрос об этом. Это упреждение до какого-либо контакта – род обещания исходного альянса, которому мы должны в определенном смысле уже уступить, уже сказать *да*, давая обет [*gage*], какие бы ни последовали за этим отрицательные последствия и проблематичность»²². Таким образом, когда мы ставим какой-либо вопрос, пусть даже это будет вопрос о возможности постановке вопроса, вопрос о бытии или вопрос о языке, он всегда уже задается на каком-то конкретном языке и обусловлен им. Поэтому необходимо разрушать эту обусловленность языком, предзадающую метафизические смыслы конкретного языка, через сравнительный языковой анализ, выявляя частные влияния данного языка и сущностные смыслы, идентичные на всех языках.

Необходимо отметить, что данная стратегия вообще является показательной для деконструкции: «Если уж нужно рискнуть и дать одно определение деконструкции, – пишет Деррида, – настолько же короткое, экономное и эллиптическое, как пароль, я просто и ничуть не преувеличивая сказал бы: «plus d'une langue» – одновременно больше, чем язык, и не больше какого-либо языка»²³.

Эта стратегия имеет еще один аспект, основанный на теории знака. Следствием теории плавающего означающего является вывод, что нет различия между существенными и несущественными связями между словами и что всегда можно установить новую связь с новым словом. Поэтому у Деррида начинают играть важную роль связи, основанные на схожести по звучанию, по происхождению и т.д. – т.е. огромное количество гетерогенных связей, не все из которых признаются традиционной лингвистикой. В рамках же деконструкции нет никаких препятствий их использовать, поскольку в этой системе стирается различие между существенным и несущественным. В своей работе, изданной с предисловием «Fors» Деррида, Н. Абрахам и М. Торок пишут:

²¹ Derrida J. Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. // The structuralist controversy / Ed. by Macksey R., Donato E. Baltimore, 1972. P. 271.

²² Ibid. Of spirit: Heidegger and the question. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1989. P. 129.

²³ Derrida J. Memoires: for Paul de Man. N.Y.: Columbia U.P., 1986. P. 15.

«*Вербарium* показывает, как знак, став случайным, может перенаправить себя. И в этот лабиринт, эту множественности гетерогенных мест, необходимо войти, чтобы выследить тайные движущие силы»²⁴.

В результате одним из инструментов прочтения оказываются такие семантические ряды, как, например, бланк, *sens blanc*, *sang blanc*, *sans blanc*, *cent blancs*, *semblanc* – произносимые одинаково *пустой смысл, белая кровь, без бланка, сто бланков, похожий*²⁵, или *Hegel-aigle*, и *Genet-genêt* в «*Glas*».

- *Анализ избегания отдельных терминов тем или иным философом*

Принцип этой стратегии состоит в том, что избегание философом отдельных терминов не всегда произвольно. Избегание не сводится к простому неупотреблению философом тех или иных понятий, например, неупотреблению Гегелем терминологии неоплатонизма и наоборот. Избегание – это *принципиальное* неупотребление тех или иных терминов. Например, Хайдеггер в «*Бытии и времени*» (1927) предписывает *избегать* ряд терминов, среди которых оказывается термин *Geist*. В 1953 г. он также повторяет свое предостережение избегать лингвистического семейства *Geist*, но, однако, в промежутке между этими двумя датами Хайдеггер свободно пользовался им.

Эта стратегия имеет определенный психоаналитический оттенок. Когда пациент избегает или забывает какое-то слово или серию слов, это указывает на действие цензуры. Одна из задач цензуры – привести желания индивида к «нормальному виду», т.е. центрировать его сексуальные желания вокруг фаллоса. В философских текстах действует схожий механизм метафизической логоцентрической центрации. Принцип же действия деконструкции – избегать какой-либо центрации, поэтому одной из ее задач выступает выяснять действие механизма того, что Деррида обозначает как фалло-лого-центризм и показать то, что оказывается «на полях» логоцентризма, что сопротивляется его подавлению. Поэтому Деррида дает еще одно определение деконструкции: ««Деконструировать» философию – это будет значить тогда продумать структурированную генеалогию ее концептов самым последовательным, самым вдумчивым образом, но в то же время глядя от некоторого извне, для нее неустановимого, не поддающегося именованию выявить то, что эта история могла скрывать или воспрещать, делая себя историей через это вытеснение, иногда корыстное»²⁶.

Но это не только психоаналитическая стратегия. Ситуация умалчивания отдельных слов может означать и их власть над всем дискурсом философа. Например, как указывает Деррида, разбирая вопрос *о духе* у Хайдеггера, слово *Geist* настолько могущественно в немецком языке, что может даже оставаться

²⁴ *Abraham N., Torok M. Cryptonymie: Le verbier de l'Homme aux loups. P.: Flammarion, 1976. P. 70-71.*

²⁵ Ср. «Двойной сеанс» из сборника «*Рассеивание*».

²⁶ *Деррида Ж. Позиции. С. 14.*

в тени и править оттуда²⁷. Оно тем более могущественно, что, избегая первых планов, оно ускользает от любого анализа. Поэтому относительно такого рода терминов требуется специальное разбирательство – деструкция или деконструкция.

Еще одно обоснование данной стратегии содержится в критике Деррида темы присутствия, заявленной философией М. Хайдеггера. Как и все остальные концепты деконструкции, *присутствие* должно мыслиться под знаком вычеркивания (как, впрочем, в трактовке Деррида, оно должно мыслиться и в рамках философии Хайдеггера). В отношении герменевтики такая деконструктивная трактовка присутствия означает следующее: «Имеющее свои интересы письмо, позволяющее таким образом прочитывать философы – и как следствие все тексты, принадлежащие к нашей культуре, – в качестве своеобразных симптомов (слово для меня, конечно, подозрительное, как я в другом месте объясняю) чего-то такого, что *не смогло присутствовать* в истории философии, что и *нигде не присутствует*, поскольку дело во всем этом предприятии идет о постановке под вопрос этого заглавного определения смысла бытия как *присутствия*, определения, в котором Хайдеггер умел распознать судьбу философии»²⁸. Таким образом, трактовка присутствия как бытия под знаком вычеркивания приводит к тому, что в тексте должно анализироваться не то, что в нем *присутствует*, а то, что в нем находится по тем или иным причинам под знаком вычеркивания, то есть *отсутствует*. Присутствует в подлинном смысле только то, что приведено в присутствие, то есть находилось под знаком вычеркивания, что не может без нашего толковательного усилия находиться в простом присутствии. Поэтому Деррида и говорит, что такого рода «симптомы» могут открываться в текстах, где они отсутствуют, не отдельными лицами, как какие-то находки, а вследствие тотальной онтологической трансформации²⁹.

Если бы речь шла о методе в его традиционном понимании, то следовало бы сказать: каждый случай требует отдельного разбирательства, чтобы выяснить, почему *в данной ситуации* происходит умалчивание. Но деконструкция идет всеми путями сразу, поэтому можно сказать, что эти три по видимости противоречивых объяснения осуществляются одновременно.

В своем анализе избегания Хайдеггером слова *Geist* Деррида пишет: «Я особенно думаю о тех модальностях «избегания», которые переходят в говорение без говорения, письмо без письма, использование слов без использования их: в кавычках, например, под знаком не-негативного крестообразного

²⁷ Derrida J. Of spirit. P. 5.

²⁸ Деррида Ж. Позитив. С. 15.

²⁹ Там же. С. 16.

вычеркивания (*kreuzweise Durchstreichung*)»³⁰. И это отсылает нас к следующей интерпретативной стратегии.

- *Стратегия негативной дистинкции (дефиниции)*

В «Письме японскому другу», определяя слово «деконструкция», Деррида пишет, что необходимо «...дать хотя бы негативное определение тех значений и коннотаций, которых следовало бы избежать, если *возможно*»³¹. На «полях» текста «Письмо и различие» Деррида также заявляет: «...Нужно вначале действовать «негативным методом»: выбор некоего слова – это в первую очередь множество – конечно, структурное – исключений. Чтобы узнать, почему говорят «структура», нужно знать, почему появляется желание больше не говорить *eidos*, «сущность», «форма»... и т.п. Нужно понять, почему каждое из этих слов обнаружило сою недостаточность и почему также понятие структуры по-прежнему заимствует у них некое скрытое значение, позволяя им гнездиться в себе»³².

Эта стратегия является по сути дериватом первой терминологической стратегии, поскольку служит для освобождения терминов из-под гнета метафизики. Как Хайдеггер, вводя новые термины, стремился отмежеваться от старых терминов, говорящих только о сущем и умалчивающих о бытии, так и Деррида повторяет эту хайдеггеровскую операцию, стремясь оградить свою терминологию от метафизической трактовки. Рассуждая об употреблении Хайдеггером понятия *духа*, Деррида пишет, что это слово «отсылает к серии значений, которые обладают одной общей чертой: противоположностью вещи, метафизическому определению вещности и сверх того овеществлению субъекта, субъективности субъекта, как предполагалось Декартом»³³.

Деррида сравнивает эту стратегию с апофатической теологией: «Так что обходные маневры, периоды, синтаксис, к которым я должен буду часто прибегать, окажутся, порой удивительно, похожими на обходные маневры, периоды и синтаксис отрицательной теологии. Уже потребовалось отметить, что различие *не есть*, не существует, не является сущим-присутствующим (*on*), каково бы последнее ни было; и нас предстоит поэтому указать на все *то, чем* это различие *не является*, иначе говоря на *все*; и, следовательно, подчеркнуть, что различие не имеет ни существования, ни сущности. Оно не зависит ни от какой категории сущего, будь то присутствующее или отсутствующее»³⁴.

Подводя итог первым четырем терминологическим подстратегиям, можно сделать вывод, что дать точное определение в деконструкции (если это вообще возможно) – это показать энергетически-пространственную структу-

³⁰ Derrida J. Of spirit. P. 2.

³¹ Деррида Ж. Письмо японскому другу. С. 53.

³² Он же. Письмо и различие. С. 47.

³³ Derrida J. Of spirit. P. 15.

³⁴ Деррида Ж. Различие. С. 173.

ру того или иного термина, т.е. исследовать его возможности и его ограничения.

- *Антиметафизическая стратегия самостирания («вычеркивания») термина*

Данная стратегия еще раз уточняет две предыдущие стратегии и является прямым следствием и концепции различения (*différance*). В рамках критики метафизики присутствия Деррида оказывается, что концепт никогда не присутствует в себе самом, никогда не указывает на какое-либо определенное значение. Все основные концепты Деррида (след, архи-письмо, дополнение, различение и т.д.) являются также одновременно само-стиранием. Он пишет слово, зачеркивает его и помещает рядом оба его графических варианта, утверждая, что хотя каждое из них и неточно обозначает предмет, но, тем не менее, они оба необходимы. И.П. Ильин отмечает, что эта процедура отвечает главному принципу Деррида – подходить к каждому явлению с двойной позиции его одновременного уничтожения и сохранения³⁵. Даже если какой-то концепт не вычеркивается в письменном тексте, всегда подразумевается, что он находится под знаком вычеркивания.

Поэтому необходимо учитывать, что Деррида, используя как старые «метафизические» понятия, так и неологизмы, всегда располагает их под знаком вычеркивая, подразумевая, что они являют собой не раз и навсегда данное значение, но рассеяние семантических различий: «*Имени* и в самом деле нет, нет даже имени сущности или бытия, нет даже имени «различение» – которое не есть имя, не есть чистое номинальное единство и которое беспрестанно распадается в цепи различающихся замещений»³⁶.

«Вычеркивание» терминов – это прямое следствие концепции различения, которая не позволяет наличествовать никаким значениям-в-себе: «Всякий концепт по праву и существенным образом вписан в последовательность или в систему, внутри которой он отнесен к другому, другим концептам, систематической игрой различий»³⁷. В философских концептах, по мнению Деррида, функционирует семантическое рассеивание – по сути то же самое различение, но рассмотренное с точки зрения результатов его работы: ««Рассеивание» не имеет целью ничего заявить с последней определенностью и не может быть собрано в дефиницию»³⁸.

Суть понятия рассеивания состоит «в силе и форме посеянного им взрыва, *взламывающего* семантический горизонт»³⁹. Здесь дело не только во множественности смыслов, в полисемии, которая, конечно, и сама по себе представляет собой прогресс по сравнению с линейностью традиционного

³⁵ Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 27.

³⁶ Деррида Ж. Различение. С. 203.

³⁷ Там же. С. 181.

³⁸ Он же. Позиции. С. 79.

³⁹ Там же. С. 80.

прочтения письма. Простая полисемия может трансформироваться в диалектику, в которой она синтезируется с помощью *Aufhebung*. В концепции различения в деконструкции содержится иная модель полисемии – никогда не примеряющейся распри значений, энергетического взрыва, рожденного противостоянием сил. Сила смысла – «это некоторая чистая и бесконечная двусмысленность, не дающая никакой передышки, никакого отдыха в означенном смысле, влекущая этот смысл в своей собственной *экономии* к новому производству знака и *отсрочиванию*»⁴⁰.

- *Стратегия выявления ключевых понятий в тексте, через которые можно осуществить «взлом» текста*

Деррида выявляет в отдельных философских текстах некоторые ключевые слова, которые «входят в оппозиции, существенные для аргументации данного текста, но они – помимо того – функционируют так, что разрушают эти оппозиции»⁴¹. Примеры таких «точек деконструкции» Деррида, приводимые Каллером – это «*parergon*» Канта, «*pharmakon*» у Платона, «дополнение» у Руссо и «*гимен*» у Малларме.

Эти «ключевые слова» – не столько характеристика стиля философа (поскольку это скорее филологическая проблематика, чем философская), но существенная часть, опорные конструкции архитектуры мысли. Поэтому в них заложено как основание конструкции, так и точка разрушения: деконструкция этого основания одновременно выбивает камень из-под всего здания. Именно поэтому необходимо исследовать его на прочность, подвергая его опасности.

Эти термины отличаются тем, что в них заложено, этимологически, морфологически или семантически то, что Деррида называет *différance* и что, соответственно организует игру различий в том или ином тексте. Поэтому «слова и понятия эти не атомы, но скорее средоточия экономического уплотнения, обязательные места прохождения для очень большого числа мет; более или менее бурлящие плавильные тигли»⁴².

Комментируя свой выбор в качестве такого ключевого понятия, вскрывающего дискурс Малларме, Деррида пишет: «Здесь имеет значение не лексическое богатство, семантическая открытость слова или концепта, его глубина или широта, или отложение в нем двух противоречивых значения (непрерывность и прерывность, внутри и снаружи, тождество и различие и т.д.). Здесь имеет значение формальная и синтаксическая деятельность, которая составляет и разлагает его. Конечно, кажется, что мы сводим все к слову *гимен*. Хотя кажется, что все делает его незаменимым означающим, на самом деле, это что-то вроде ловушки. Это слово, этот силлепсис не является необходимым; филология и этимология интересуют нас только во вторую оче-

⁴⁰ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 39.

⁴¹ Culler J. On deconstruction... P. 213.

⁴² Деррида Ж. Позитивизм. С. 70.

редь, и потерей «гимена» «Мимике» не был бы нанесен непоправимый вред. Эффект, прежде всего, производится синтаксисом, который располагается *между* таким образом, что неопределенность обязана только месту, а не содержанию слов. «Гимен» только еще раз отмечает, что то место *между* уже показывает, и показывало бы, даже если слова «гимен» там бы не было. Если заменить слово «гимен» на «женитьбу» или «преступление», «тождество» или «различие» и т.д., эффект был бы тем же самым, за исключением потери экономической конденсации или аккумуляции того, что мы не отрицали»⁴³.

Таким образом, гимен, не составляя «сущность» или фундамент текста, тем не менее, являет собой ключ для прочтения текста. Поэтому для деконструкции важно определение именно таких «болевых точек» текста: «Зачин деконструкции, который не произвольное решение или абсолютное начало, происходит и не все равно где, и не в абсолютной запредельности. Зачин, надкус, надрез следует силовым линиям и силам разрыва, локализуемым в деконструируемом дискурсе. *Топическое* и *техническое* определение самых необходимых мест и операторов (подходов, захватов, рычагов и т.д.) в каждой данной ситуации зависит от исторического анализа. Это последний *вырисовывается* в общем движении поля, он никогда не исчерпывается сознательным расчетом «субъекта»»⁴⁴.

3. Стратегия подхода к смыслу как к дару

Вопрос о даре в философской литературе возник в результате хайдеггеровского анализа бытия, а именно его языкового выражения «es gibt». В связи с этим в качестве дара для человека выступает прежде всего бытие и смысл бытия. В рамках же собственно текстуальной герменевтики даром является смысл текста. Деррида, переосмысливая философию Хайдеггера, одновременно иначе трактует и проблему дара.

Стратегия анализа смысла как дара является одной из наиболее показательных для герменевтических аспектов деконструктивистской практики. Недаром Деррида заявляет о том, что для его работы последних десятилетий существенно важен вопрос о даре⁴⁵. Анализируя проблематику дара, Деррида, в частности, замечает, что как таковой дар неуловим: в человеческой практике дар всегда вовлекается в экономию отдаривания. Подарок предполагает благодарность или ответный дар, или он бывает рассчитан на внешний эффект, который служит наградой за дар. Все это делает чистый дар (то есть то, что не предполагает и не требует благодарности ни в какой форме) абсолютно не-

⁴³ Derrida J. La Dissémination. Collection Tel Quel. Paris: Seuil, 1972. P. 249-250.

⁴⁴ Деррида Ж. Позиции. С. 147.

⁴⁵ Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура», 1993. С. 171. Показательно также, что одними из последних изданных работ Деррида являются «Donner les temps. I. La Fausse monnaie» (1991) – «Данное время» – и «Donner la mort» (1992) – «Дар смерти».

возможным. Деррида оборачивает обычную логику дара, в результате чего получается, что условием возможности дара является отсутствие дара, дарения и даже интенции дарения. Ведь если даже кто-то просто помышляет о даре кому-то другому, уже в самих своих мыслях он образует всю ту цепочку обмена (благодарность, ответный дар и т.д.) между собой и другим, которая уничтожает истинный дар.

Для Деррида проблематика дара оказывается необходимым образом связанной с проблематикой времени и темой фальшивой монеты. Оба эти момента раскрывают одну логику, и, поскольку нас интересует прежде всего герменевтический аспект проблематики дара, мы остановимся на втором развороте проблемы – мотиве фальшивой монеты. Именно он объясняет высказывание Деррида в «Donner les temps» о том, что «проблематика дара существует только в контексте проблематики следа и текста»⁴⁶.

Для обоснования этого положения Деррида обращается к короткому рассказу Ш. Бодлера «Фальшивые деньги». Сюжет его очень прост: два друга покидают табачную лавочку, и один из них, тот, кто только что совершил покупку, старательно сортирует сдачу по карманам. При выходе они видят нищего, и вот, неожиданно для рассказчика, его друг подает нищему крупную монету; в ответ на удивление рассказчика он спокойно говорит о том, что монета все равно была фальшивая.

В этом рассказе мотив фальши проведен на многих уровнях: в ней фальшивы не только подаренная монета, но и деньги в принципе (как субститут чего-то другого), акт дарения (где ничего не дарится), табак (превращающийся в эфемерный дым) и т.д. Если мы исходим из предположения, что совершается действительный акт дарения, то дарения не происходит: дар мог быть рассчитан на внешний эффект, совершить доброе дело и обмануть Бога фальшивой монетой, желание поразвлечься арестом нищего, фальшь монеты, в конце концов, – все это уничтожает сущность дара.

С другой стороны, если проследить, что все элементы этого события фальшивы, они выстраиваются в череду событий во времени. Ничто не обладает характеристиками реальности, ничто не истинно в этой истории, и, тем не менее, она осуществляется. Парадоксальным образом все неистинное, случающееся здесь, обладает характеристиками истинного дара, который, чтобы быть истинным, не должен быть, и не должен быть истинным.

Вся эта цепочка разворачивается для рассказчика, который, по его собственному выражению, обладает обременительной особенностью искать полдень в два часа дня (что во французском языке означает способность обнаруживать смыслы и значения, не существующие в действительности, приписывать или искать то, чего нет). Таким образом, оказывается, что проблематика дара имеет непосредственное отношение деконструктивистской

⁴⁶ Derrida J. Donner les temps. I. La Fausse monnaie. P., 1991. P. 130.

герменевтической стратегии. Если считать текст автора даром читателю, что, как следует из анализа дара, никакого дарения не происходит. Для автора невозможно подарить свой смысл читателю. Невозможность эта чисто технического рода: из текста невозможно вычлениить его «исконный» смысл, т.е. воспользоваться даром.

Другое дело, если мы исходим из изначальной невозможности такого рода дара и не пытаемся его получить, а формируем поле своих смыслов текста. Исходя из теории наличия истинного смысла все эти смыслы будут фальшивыми. Но только в такой ситуации будет осуществлен акт дарения, где не будет ни дарителя, ни получателя (ведь у этих смыслов нет авторов в традиционном смысле слова, они «производятся» текстом).

Значение можно схватить только тогда, когда не пытаешься его хватать, не сводишь его к наличию некоторой ставшей структуры, готового наличного смысла текста, а рассматриваешь его как эффект игры структуры.

4. Стратегия маргинализации

Эта стратегия является знаковой особенностью деконструктивистской герменевтики, не случайно, что один из центральных сборников работ Ж. Деррида называется «На полях философии» (*Marges – de la philosophie*, 1972). Тема маргинальности проводится Деррида на многих уровнях, мы выделим лишь те, которые имеют отношение к герменевтическим стратегиям.

Прежде всего, маргиналии противопоставляются центру. Деконструкция считает, что традиционно в логоцентрической традиции основное внимание уделялось центру, поэтому чтобы уравновесить систему, необходимо уделять сбалансированное внимание как центральным моментам текста, так и тому, что оказывается «на полях» – примечаниям, «случайным темам», «случайным терминам» и т.д.

Обращения к маргиналиям также требует деконструктивистская концепция «двойного текста». Любой текст является деконструктивистскому зрению в двойном измерении: «Два текста, две руки, два взгляда, два слушания. Вместе и одновременно раздельно»⁴⁷. Первый из этих «двух текстов в одном» – единственный, поддерживаемый классической интерпретацией: он написан под властью присутствия и в честь смысла, разума, истины. Второй текст – иной и в то же время тот же самый – это текст, который классическое прочтение никогда не расшифровывает. Первый текст, тот, который эта традиция соглашается прочитать, имеет уязвимые места или следы, намекающие на существование второго текста – и эти места как раз и располагаются на маргиналиях. Нерефлексируемые самим автором зоны (как привило, эти зоны представляются маргинальными в том числе и автору) помогают высветить, проявить то,

⁴⁷ *Derrida J. Margins of philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1982. P. 65.*

что интересует больше всего Деррида – возможность перестроить структуру, дать новое прочтение внутри анализируемого материала.

В своей работе «Воспоминания: Полю де Ману» Деррида пишет: «Само условие деконструкции может работать в самом произведении, *внутри* деконструируемой системы; оно может *уже* располагаться там, уже работая, не в центре, а в эксцентрическом центре, в углу», который на самом деле является краеугольным камнем самой системы⁴⁸. Поэтому можно сказать, что деконструкция никогда не располагается *после*, из внешнего места, она уже содержится в деконструируемой философской системе, причем как краеугольный камень, скрытый от внимания на периферии, в маргиналиях.

Однако, рассматривая данную стратегию, нужно исходить из деконструктивистского тезиса о пересмотре бинарных оппозиций, когда нет традиционного разделения на центральное и маргинальное. Поэтому нельзя расценивать деконструкцию как направление, занимающееся только маргиналиями. Деконструкция в большей степени анализирует логику текста, структуру аргументации, а для этого нет «маргинальных» зон, просто в сферу внимания деконструкции попадает зачастую то, что раньше считалось маргинальным.

Эта стратегия также переключается с подстратегиями терминологической стратегии. Она состоит в том, чтобы обращать пристальное внимание на маргинальные особенности текста – такие, как вид встречающихся в нем метафор, примечания и т.д., потому что такие маргинальные особенности «суть ключи к тому, что является поистине важным»⁴⁹. Деррида полагает, что логоцентрическая традиция оттесняет на периферию то, что не соответствует ей, и поэтому именно на периферии надо искать все, что может сопротивляться метафизике.

Эта стратегия напрямую пересекается с концепцией Holzweg у Хайдеггера: только окольными путями, обходящими ловушки метафизической рациональности, можно прийти к смыслу.

Но «поля философии» понимаются Деррида также и как предел философского дискурса, когда философия уже не может больше оставаться внутри себя и вынуждена для сохранения дискурса пользоваться ресурсами граничащих с ней дискурсов: литературно-критического, поэтического, политического и т.д. Это перемещение дискурса на «поля» традиционной философии Деррида обосновывает неоднократно и с разных сторон. Во-первых, как мы уже говорили в терминологической стратегии, деконструктивистский разбор метафизических терминов по необходимости находится на грани между философией и филологией. Эта грань позволяет избегать догм метафизики, довлеющих в философии, и, однако, сохраняет причастность к философии, не перемещаясь полностью в сторону филологического дискурса.

⁴⁸ Derrida J. Memoires. P. 73.

⁴⁹ Culler J. On deconstruction... P. 146.

Свой дискурс Деррида постоянно подчеркнуто располагает «на границе» философии, на ее «полях»: «Я пытаюсь, – он пишет, – держаться возле *границы* философского дискурса. Я говорю границы, а не смерти, потому что я во все не верю в то, что привычно называют сегодня смертью философии»⁵⁰. Проблема границы философии очень важна для Деррида, так как зачастую в неправильном ее понимании коренится иррелевантное прочтение деконструктивистских интерпретативных практик. Граница, от которой отталкивается философия, – это научная *эпистема*, «функционирующая внутри системы основополагающих ограничений, концептуальных оппозиций, вне которых она становится неосуществимой»⁵¹. Таким образом, задача сводится не к тому, чтобы избавиться от этой модели, т.к. в таком случае философия станет невозможной, но «как можно строже соблюсти внутреннюю и упорядоченную игру этих философов или эпистемем, давая им скользить, без их искажения, вплоть до точки их иррелевантности, их исчерпания, их закрытия»⁵². Таким образом, речь идет об особых практиках, стратегиях, позволяющих не отбросить метафизику, а разобраться в ней. Деррида постоянно предостерегает, что «выход за пределы философии заключается не в том, чтобы перевернуть последнюю страницу философии (что чаще оборачивается просто дурным философствованием), а в том, чтобы *некоторым определенным образом* продолжать читать философов»⁵³.

Уточняя метод выхода на границы философии, Деррида использует концепцию *игры*. Анализируя проблему структуры и ее центра, он противопоставляет два вида игры: обоснованную игру по правилам, закрепленными центром, и свободную игру, где возможны любые замещения. И этот же концепт свободной игры он использует в качестве модели для философствования.

Итак, Деррида выявляет два истолкования истолкования:

1. Истолкование потерянного смысла. Оно пытается расшифровать некую истину, или начало, ускользающее от игры, переживая саму необходимость нечто истолковывать как досадную помеху.

2. Истолкование-игра. Это истолкование отворачивается от начала и утверждает игру, «пытается выйти за пределы человека и гуманизма, поскольку само имя человека – это имя существа, которое на протяжении всей истории метафизики или онто-теологии, т.е. всей своей историей как таковой, грезило о полноте присутствия, о некоем успокоительном основании, о начале и конце игры»⁵⁴.

Когда мы вступаем в свободную игру (а мы, по сути, всегда в ней находимся, наличие стабилизирующего центра, как доказывает Деррида – это все-

⁵⁰ Деррида Ж. Позиции. С. 13.

⁵¹ Там же. С. 14.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Письмо и различие. С. 459.

⁵⁴ Там же. С. 465.

го лишь иллюзия), то оказываемся в поле бесконечных замещений, совершающихся в замкнутом пространстве, например, языка. Эта свободная игра характеризуется тем, что в ней «никогда нельзя быть достаточно уверенным, кто играет, или играет «серьезно», каковы правила, или в какую игру играют»⁵⁵. Это поле допускает бесконечные замещения лишь потому, что оно само конечно, т.е. не потому, что оно неисчерпаемо и слишком велико, а в силу определенной нехватки, а именно нехватки центра, который мог бы остановить и закрепить игру замещений.

В связи с этим маргиналии важны не столько своим ущемленным по сравнению с центром статусом, сколько тем, что в них еще остается возможность *свободной игры*: «...Я пытался определить все, что казалось мне оставленным в подвешенном состоянии, неопределенным, все еще находящимся в движении и, следовательно, по крайней мере для меня, то, *чему еще предстояло состояться* в тексте Хайдеггера»⁵⁶. Отсюда следует еще одна интерпретативная стратегия: *стратегия дополнительного смысла*.

Именно в этих пограничных областях, где мысль находится в стадии становления, а не закреплена в застывших бес-смысленных формах, и возможна жизнь философии. Философия как раз и должна осуществляться не повторением сказанного философом, а продумыванием в горизонте его философии его мыслей. Сделать же это можно только в месте, где главенствующий и центрирующий вокруг себя голос философа становится тише, и становятся слышны побочные голоса, которые придадут мысли философа семантическое богатство.

Движение свободной игры осуществляется, как выясняет Деррида, благодаря отсутствию центра и начала и является движением *дополнительности*. Определить центр невозможно, потому что знак, который замещает и дополняет центр, оказываясь на его месте во время его отсутствия, – этот знак приходит, чтобы добавиться, т.е. в виде лишка и дополнения. Потому Деррида делает вывод: «Движение придания значения всегда что-то добавляет, так что возникает некоторый избыток, – однако такая прибавка оказывается подвижной, поскольку она замещает и дополняет нехватку на стороне означаемого»⁵⁷. Такая игра осуществляет раскол присутствия, которое критикует Деррида.

Деррида называет «дополнение» другим наименованием различения⁵⁸ и пишет, что концепция дополнения совмещает в себе два значения, чье совместное сожителство столь же странно, как и необходимо. Дополнение как таковое прибавляет себя к чему-то, т.е. является излишком, полнотой, обогащающей другую полноту, *высшей степенью* наличия.

⁵⁵ Culler J. On deconstruction. P. 130-131.

⁵⁶ Derrida J. Of spirit. P.8.

⁵⁷ Деррида Ж. Письмо и различие. С. 461.

⁵⁸ Он же. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 302.

Но при этом дополнение еще и замещает. Оно прибавляется только для того, чтобы произвести замену. Оно внедряется или проникает *в-чье-то-место*; если оно что-то и наполняет, то это происходит как бы в пустоте. Если оно что-то и репрезентирует, порождая его образ, то только в результате предшествующего ему изъяна в наличии. Являясь компенсирующим и замещающим элементом, дополнение представляет собой заменитель, подчиненную инстанцию, которая *занимает место*. В качестве субститута оно не просто добавляется к позитивности наличия, оно не дает никакого облегчения, его место обозначено в структуре признаком пустоты.

Это второе значение дополнения не может быть отделено от первого: «Каждое из двух значений самостирается или становится весьма неясным в пространстве другого. Но их общая функция в этом и проявляется: добавляется ли оно или замещает, но добавление является *внешним*, находится вне той позитивности, на которую оно накладывается, оказывается чуждым тому, что — для того, чтобы быть замещенным дополнением, — должно быть чем-то иным по сравнению с дополнением»⁵⁹.

Если дополнение покрывает какой-то недостаток, который всегда есть в любом явлении, то из этого можно сделать вывод, что сама структура дополнения такова, что предполагает возможность в свою очередь быть дополненной, т.е. неизбежно порождает перспективу бесконечного появления все новых дополнений к уже имеющемуся⁶⁰. С одной стороны, с точки зрения Деррида, все здание западной метафизики основано на этой возможности компенсации «изначального не-присутствия», и введение понятия «дополнения» (или «дополнительности») как раз и направлено на «демистификацию», на «разоблачение» самого представления о «полном», «исчерпывающем наличии». С другой стороны, для герменевтики это означает изначально заложенную в любом тексте возможность (и необходимость) бесконечного комментария, который всегда будет требовать дополнения — еще одного комментария.

Аналогично сквозь призму стратегии дополнительнойности решается в деконструкции проблема перевода с одного языка на другой: «Если переводчик не возмещает и не копирует оригинал, то потому, что последний переживает и трансформируется. Перевод на самом деле будет моментом его собственного роста, он в нем пополнился — увеличиваясь»⁶¹.

Стремление же увидеть только один смысл, некую «Истину», для Деррида на самом деле не что иное, как «трансцендентальное означаемое» — порождение «западной логоцентрической традиции», стремящейся во всем найти по-

⁵⁹ Цит. по: Ильин И.П. Постструктурализм... С. 29-30.

⁶⁰ Ильин И.П. Постструктурализм... С.30.

⁶¹ Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен // Комментарий, 1997, № 11.

рядок и смысл, во всем отыскать первопричину, или навязать смысл и упорядоченность всему, на что направлена мысль человека.

5. Стратегия графематических прививок

Стратегия дополняющего смысла на практике может трансформироваться стратегию так называемых «прививок». Интертекстуальность, представляющая собой структурную сущность текста, как он понимается в постструктурализме, приводит к специальным стратегиям чтения / письма (постструктурализм стремится к сокращению и даже уничтожению дистанции между чтением и письмом). В качестве пролиферирующей стратегии предлагается метод контаминации, то есть дробления и комбинирования элементов.

Деррида специфицирует данную стратегию и сравнивает ее с методом *прививки*. В «Двойном сеансе» Деррида предлагает прививание как модель логики текстов – логики, которая комбинирует графические операции с процессами вставки и стратегиями размножения: «Необходимо систематически исследовать не только то, что кажется простым этимологическим случайным совпадением, объединяющим прививку (*graft*) и графическое (*graph*) (оба от греч. *graphion*: пишущий инструмент, стиль), но также аналогию между формами текстуального прививания и так называемой прививки растений, или даже, сегодня все чаще и чаще, прививки животных»⁶².

Помимо всего прочего, деконструкция является попыткой идентифицировать прививки в анализируемых текстах: где места сочленения и давления, где один побег или ряд доказательств соединяются с другим – и классифицировать различные способы вставки одного дискурса в другой или вторжения в дискурс интерпретаций.

В частности, на практике это представляет собой стерео-прочтение текстов. Графически это выглядит как идущие параллельно две колонки, без указания на приоритет той или иной, а, следовательно, без указания порядка чтения. Например, «Тимпан» – соединение текста М. Лейри об ассоциациях имени «Персефона» и дискуссии Деррида о границах философии. Эта структура устанавливает эффект отражения, эха, как в тимпане: мембрана одновременно разъединяет и действует как звучащая граница, соединяя то, что она разделяет.

«Glas» представляет собой ту же технику в большем масштабе. В левой колонке каждой страницы Деррида анализирует концепт семьи у Гегеля (включая вопросы относительно отцовского авторитета, Абсолютного Знания, Святого семейства, отношений в собственной семье Гегеля и непорочного зачатия). В правой колонке, напротив автора «Философии права», располагается вор и гомосексуалист Жан Жакан. Цитаты и рассуждения о его текстах

⁶² Derrida J. *La Dissémination*. P. 230.

сплетены вместе с заметками о литературном обозначении собственных имен и подписей, структуре двойной связи, деконструкции классической теории знака и исследовании связей между словами, ассоциирующимися по фонологическому сходству или этимологическим цепочкам. Постоянно в работе встает проблема отношения между двумя колонками или текстами.

Комментаторы пытаются интерпретировать «Glas» как стратегию ускользания, нацеленную на то, чтобы сделать письмо неуправляемо уклончивым. Читая одну колонку, вы помните, что суть находится где-то в другом месте, в соотношении между двумя колонками, если не в другой колонке, – одним словом, не присутствует. Смысл же возникает, если вообще можно говорить в отношении данной работы о традиционном понятии смысла, как бы между колонок. Как отмечает Б.Г. Соколов, значение имеют даже пустое пространство, конфигурация отступов и т.п.⁶³ Один эффект этой прививки – это хизм. Разделение между колонками подчеркивает наиболее радикальные оппозиции: между философией и литературой, духа и тела, ортодоксии и гетеродоксии, авторитета отца и авторитета матери, права и ниспровержения права, собственности и воровства.

Прививки в «Glas» отличаются от прививок в другом тексте, «Продолжая жить: Линии демаркации», который располагает один дискурс над другим и придает нижнему некий характер обрамляющего или парергонального комментария. Верхний текст, «Продолжая жить» представляет собой довольно сложную прививку «Смертного приговора» и «Безумства дня» Бланшо с «Триумфом жизни» Шелли. В данном тексте прививки представлены разнообразно: прививка, которая комментирует другой текст и себя, придумывая или предлагая объяснение, также является добавлением, выходящие за рамки объяснения.

Высказываясь о другом тексте-прививке, «Почтовой открытке», Деррида описывает отношения в подобном тексте следующим образом: в этом отношении «строго говоря, речь не идет ни о сокрытии, ни о параллельности, ни об аналогии, ни о совпадении. Необходимость в увязке описания как одного, так и другого явления продиктована иными соображениями: нам с трудом удастся подыскать ей название; но для меня в этом, разумеется, и заключается суть выборочного и заинтересованного чтения, к которому я и возвращаюсь»⁶⁴.

Дж. Каллер приводит следующие виды прививок⁶⁵ (хотя на самом деле необходимость и продуктивность каждой прививки должна решаться в каждом конкретном случае отдельно):

⁶³ Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида. СПб., 1996. С. 20.

⁶⁴ Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только. Мн.: Современный литератор, 1999. С. 473.

⁶⁵ Culler J. On deconstruction. P. 134-156.

- связь двух дискурсов бок о бок на одной странице («Тимпан», «Glas»);
- один текст является комментарием другого («Продолжая жить: Линии демаркации»);

- показ того, что анализируемый текст уже содержит анализ своего комментария («Почтальон истины» анализирует лакановское прочтение «Похищенного письма» Эдгара По и показывает, что рассказ Э. По уже содержит и анализирует психоаналитические претензии к произведению);

- берется мелкий, неизвестный текст и прививается к остову традиции, или берется случайный маргинальный элемент текста, как, например, сноска, и пересаживается на жизненно важное место («Ousia и Grammē: заметки к одному примечанию к «Бытию и времени»», «Фрейд и сцена письма» анализирует теорию Фрейда через его незаметное эссе «Заметки о магическом блокноте» и т.д. Это один из самых используемых типов прививки в деконструкции).

Данный метод, когда элементы одного текста сопоставляются и переплетаются с элементами другого текста, не преследует цель прояснить смысл одного текста через другой. Принципиальное отличие «прививания» текстов заключается в том, что смысловые переплетения, порождаемые прививками, усложняют и разветвляют (откуда и термин «прививки») текстуальную ткань, обогащая ее добавочными смыслами.

Таким образом, данная стратегия служит вариантом практической реализации принципа интертекстуальности. «Каждый текст, – пишет Деррида, – это машина из множественного чтения, отсылающего к другим текстам»⁶⁶.

Данная стратегия на практике преодолевает оппозиции между центральным и маргинальным, существенным и несущественным, текстом и его комментарием. Текстуальное сопоставление центрального и маргинального в вышеприведенных примерах не только переворачивают оппозицию и показывают, что они могут меняться местами, но и вообще отменяют такие отношения между текстами, налаживая между ними не иерархические, но множественные интертекстуальные связи. Такая стратегия текстовых «прививок», «черенков» меняет соотношение между текстом и комментарием: новый текст пишется как бы на полях старого, при этом неизвестно, какой текст является первичным, а какой – его комментарием. Тексты взаимно интерпретируют друг друга, бесконечно отсылая друг к другу и к множеству остальных текстов.

Как отмечает Б.Г. Соколов, изменение структуры и записи текста вызывает изменение в самом акте прочтения. Традиционное понимание, само понятие смысла, следовательно, оказывается сдвинутым, смещенным, децентрированным.

⁶⁶ *Derrida J. Living On: Border Lines // Deconstruction and Criticism. Ed. Geoffrey Hartman. London: Routledge and Kegan Paul, 1979. P. 107.*

Таким образом, несомненна связь между стратегией прививки и стратегией демонтажа бинарных оппозиций. Но связь стратегии прививок можно установить со многими стратегиями, т.к. прививки можно проследить на самых разных уровнях. Например, стратегия прививок действует совместно с деконструкцией метафизических терминов, когда старые термины не отбрасываются, а, по сути, им прививаются новые значения: «Необходимо, временно и стратегически, сохранить *старые имена*... Нет ни одного метафизического концепта самого в себе и из себя. Есть работа – метафизическая или не метафизическая – концептуальных систем. Деконструкция не состоит в движении от одного концепта к другому, но в переворачивании и *смещении* концептуального порядка, также как и неконцептуального порядка, с помощью которого концептуальный порядок артикулируется»⁶⁷. И это смещение происходит в результате графематической прививки. Например, письмо как классический концепт несет с собой предикаты, которые были подчинены, исключены или держались в резерве. Эти предикаты прививаются к «новому» концепту письма, который одновременно отсылает к тому, что всегда *сопротивлялось* предыдущей организации сил – логоцентрической иерархии. «Оставить этому новому концепту, – пишет далее Деррида, – старое название письма – значит поддержать структуру прививки, перехода и необходимое строгое соблюдение эффективного *вмешательства* в конституированное историческое поле. И это значит также дать шанс и силу, власть *коммуникации* всему, что стоит на кону в операциях деконструкции»⁶⁸. Таким образом, мы видим связь в рамках критики логоцентризма стратегических операций терминологической деконструкции с демонтажем бинарных оппозиций посредством тактики прививки.

⁶⁷ Derrida J. Margins... P. 329.

⁶⁸ Ibid. P. 329-330.

СВЯЗКА СТРАТЕГИЙ

В заключение рассмотрения герменевтических стратегий необходимо учесть следующие моменты. Во-первых, Деррида постоянно подчеркивает стратегичность своего метода, его несводимость к отдельным процедурам: «Я бы возразил, – настаивает он, – против... описания деконструкции как заданного набора возможностей, правил, приемов или инструментов, которые следует *применять* по отношению ко всякой новой ситуации, ко всякому новому корпусу текстов»¹.

Во-вторых, Деррида подчеркивал, что не существует деконструкции «с определенным артиклем», скорее стоит говорить о деконструкциях, поскольку существует вариативность подхода к тому или иному тексту². Невозможно одинаково подходить к разным текстам. Стратегия деконструкции состоит в том, чтобы каждый текст деконструировать по его собственной логике.

В-третьих, в каждом отдельно случае деконструктивистского анализа используется не та или иная стратегия, а *все стратегии* в комплексности. Как мы видели, все они взаимосвязаны друг с другом, поэтому одна стратегия часто переходит в другую. Даже если применяемые стратегии демонстрируют различные или даже противоречащие друг другу результаты, никакая стратегия не отбрасывается, а учитываются все, ведь деконструкция не стремится свести все к какому-то одному смыслу, а стремится показать, как может родиться смысл, а появиться он может только в результате борьбы различных значений, размыкающих и разбивающих пространство текста.

Данная особенность имеет важное следствие для рассмотрения самой деконструкции как стратегии. Ведь традиционный анализ состоит в том, чтобы «описать, например, простой, нормальный, стандартный случай деконструкции, иллюстрирующий ее «сущность», и, исходя оттуда, обсудить остальные случаи, которые могут быть определены как усложнения, следствия и ухудшения»³. Поэтому адекватный анализ деконструктивистских стратегий может быть только деконструктивистским, который не стремится свести все к одно-

¹ Рьклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М.: Издательство «Логос», 2002. С. 26.

² Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида. С. 105.

³ Culler J. On deconstruction... P. 93.

му методу / процедуре, но показывает расходящиеся в разные стороны герменевтические стратегии.

Сам Деррида использует понятие *связки*, некоторого *пучка*, в котором «объединение имеет структуру смещения, тканевости, переплетения, которая позволит разделять разные нити и разные смысловые – или силовые – линии точно так же, как оно будет готово связывать другие»⁴.

Но все-таки, при рассмотрении деконструкции как стратегии интерпретации, ключевым всегда остается требование не относиться к ней как к традиционному методу или софистическому приему: «Деконструкция не является, во-первых, простым логическим деструктурированием, логическим разоблачением противоречий. Деконструкция совершается главным образом не на уровне логики. Это не просто способ разоблачения противоречия или его деконструкции, критики...»⁵. Таким образом, герменевтико-интерпретативная тактика становится в постструктурализме не приемами неосхоластики или неософистики, а способом философствования.

Деррида постоянно настаивает, что деконструкция не сводится к набору приемов именно потому, чтобы в борьбе с логоцентризмом не впасть снова в метафизику. «Метод» деконструкции поэтому состоит также в том, чтобы избегать утверждений (известный афоризм Деррида гласит: «Toute thèse est une prothèse» – каждый тезис является протезом) и провоцировать продумывание, испытание предмета. «Я сам бы удивился, если бы знал, куда я направляюсь... я пытаюсь, если быть точным, поместить себя в точку, где бы я не знал больше, куда я направляюсь»⁶. И это не признак бессилия деконструкции, а сознательная стратегия.

Как отмечает К. Норрис, «деконструкция предполагает, что любой способ интерпретации мысли может быть направлен против самого себя»⁷, поэтому если деконструкция и предлагает интерпретации, то только в виде связок расходящихся истолкований, противоречащих друг другу. Кстати, главным следствием, которое возмущает противников деконструкции, является полная неуловимость, а потому и внутренняя неопровержимость, позиции деконструктивистской герменевтики.

Итак, деконструкция – это не теория, которая определяет смысл, чтобы сказать вам, как его найти. Как критическое разрушение иерархических оппозиций, от которых зависят теории, она демонстрирует трудности любой теории, которая бы определяла смысл одним способом: как замысел автора, определенность соглашением, как опыт читателя.

⁴ Деррида Ж. Различение. С. 170.

⁵ Рьжлин М. Деконструкция и деструкция. С. 26-27.

⁶ Derrida J. Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. P. 267.

⁷ Norris Ch. Deconstruction: Theory and practice. L.; N.Y., 1982. P. XI.

Любое выявленное содержание произведения в программе деконструкции объявляется очередным искажением сущности, которая принципиально не может быть установлена в какой-либо единственный момент истории. Деррида сравнивает природу текста с природой женщины, которая, по его мнению, не привязана ни к какой зафиксированной сущности и все время находится в движении. Текстуальная деконструкция подобна акробатическому искусству, игре постоянно изменяющихся семантических позиций. Деконструкция – это искусство вечного колебания, движение от одной позиции к другой, изменение иерархии ценностей. И это вечное колебание никогда не может закончиться образованием определенной иерархии сущностных отношений.

Вместе с тем Деррида не призывает к философскому дадаизму, сторонящегося логических утверждений. Сам себя он считает абсолютно академичным ученым, единственным отличием которого является стремление прояснить основания традиционной философии: «Я уверен в необходимости научной работы в классическом смысле, я уверен в необходимости всего, что делается... но я не вижу, почему я должен отказываться или кто-либо должен отказываться от радикальности в критической работе под предлогом того, что она подвергает риску стерильность науки, гуманизм, прогресс, происхождение смысла и т.д. Я уверен, что риск бесплодности и стерильности всегда является ценой ясности»⁸.

⁸ *Derrida J.* Structure, sign and play in the discourse of the human sciences. P. 271.

Научное издание

Малкина Светлана Михайловна

**ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ
СТРАТЕГИИ ДЕКОНСТРУКЦИИ**

Оригинал-макет *С. Н. Берднов*

Подписано в печать 16.02.2004

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Гарамонд. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,09 (2,25). Уч.-изл. 1,86 л. Тираж 300.

Издательство «Научная книга»